

18+ Тагьина Мезенцева
Алиса М. Штейн

МОЯ БАБУШКА ЕДЕТ В БРАЗИЛИЮ

Алиса Штейн

Моя бабушка едет в Бразилию

«Издательские решения»

Штейн А. М.

Моя бабушка едет в Бразилию / А. М. Штейн — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561870-2

История делает нас теми, кто мы есть? Или это мы творим историю? Именно здесь и кроется главная ценность биографий простых людей. Эти биографии иллюстрируют то, как каждая неповторимая судьба становится прочным кирпичиком в истории нашего времени. Героиня книги Галина родилась в войну, пережила послевоенное время, развал Советского Союза, разрушительные 90-е. Повлияла ли мировая история на неё? Или это Галина повлияла на историю? Возможно, ответ на вопрос спрятан на страницах этой книги.

ISBN 978-5-00-561870-2

© Штейн А. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Зима и вправду когда-нибудь закончится	7
Глава 2. А может, она заколдованная принцесса?	12
Глава 3. На новом месте	15
Глава 4. Куда Геннадий Иванович – туда и она, без сомнений	18
Глава 5. «Пойдем погуляем...»	25
Глава 6. Сёмга ростом с человека за три бутылки водки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Моя бабушка едет в Бразилию

Татьяна Мезенцева

Алиса М. Штейн

© Татьяна Мезенцева, 2022

© Алиса М. Штейн, 2022

ISBN 978-5-0056-1870-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Жизнь – самый заурядный и при этом самый философский предмет. «Форма существования материи», «совокупность генов», *vitaе* – всё это ничего толком не объясняет... В чем парадокс отдельно взятой жизни? Почему один влачит существование, в то время как другой, как моя бабушка, умеет жизнь проживать?»

Когда я была маленькой, просто дочкой и внучкой, мне казалось, я уже где-то глубоко внутри знаю, что такое жизнь, и в чем её секрет. Нужно просто быть порядочной и честной, нужно слушать своё сердце, нужно быть открытой для мира и всё принимать с благодарностью.

Потом я выросла. Мое видение жизни постоянно менялось, и, кажется, с годами и с опытом я лишь запуталась и потерялась. Неудачи и жизненные перипетии научили меня тому, что всё нужно усложнять. Что уж там, все взрослые только и делают, что всё усложняют. И рано или поздно жизнь им становится в тягость.

Так в чем же секрет моей бабушки? Как получилось, что по-детски простая формула «будь честной, слушай сердце, принимай подарки мира» осталась с ней на всю жизнь?

Наверное, это прозвучит невероятно, но как-то мы с моей простой советской бабушкой Галей сидели на берегу Атлантического океана в далекой Бразилии. С нами была большая компания друзей и родных. Смеркалось. Океан темнел, и вскоре его было не отличить от смоляного неба. Только по шуму волн было понятно, что он совсем рядом. Мы разожгли костёр, налили себе терпкого аргентинского вина. Мне было холодно, и я не переставала жаловаться на бразильскую зиму, затхлую и промозглую. Остальные же дурачились, смеялись, шутили на всех возможных языках. И только моя бабушка сидела молча и задумчиво смотрела на костёр. Я спросила её: «Бабушка, почему ты молчишь? Тебе грустно?». Она будто очнулась: «Ты знаешь, мне просто очень-очень хорошо. Я даже не знаю, как передать это словами». И улыбнулась. Открыто и просто.

Именно эта простота, этот бесхитростный оптимизм объясняют, как моей бабушке удалось проживать жизнь по-настоящему. В моменты грусти и отчаяния я много думаю про жизненный путь моей бабушки. И стараюсь напоминать себе, что главное – не унывать и смотреть в будущее с интересом и оптимизмом. И помнить, что любая зима когда-нибудь закончится».

(Алиса М. Штейн)

Глава 1. Зима и вправду когда-нибудь закончится

С братом Женей

Эта история могла и вовсе не случиться. Казалось, всё было против. Февраль 1942-го в Ерцево выдался холодным, неласковым, с метелями, нервно танцующими под заунывный вой бесприютного ветра. Сводки с фронта мало обнадеживали, оставляя непреходящее беспокойство за своих.

Стараясь отогнать тревожные мысли, Зоя с трудом пробиралась по узкой завьюженной тропинке, ведущей к бараку. Злой февральский ветер подгонял её, толкал в худенькую спину. Он царапал щеки и пронизывал до костей, продувая тонкое поношенное пальто. Пальто не застёгивалось из-за выпирающего живота, и Зоя придерживала скрюченными пальцами расползающиеся полы. Она носила третьего ребенка. Первому, Женьке, было три года, он был её первой любовью – смысленный, ласковый, живой. Второй, Вениамин, умер, едва родившись. Третьего она не хотела. Особенно сейчас, когда шла война, не было писем с фронта, и совсем нечего было есть.

Муж Зои, Степан Ефимович, был человек военный. То есть стал им после известной Зимней войны в Финляндии. Еще перед войной он перевез семью на станцию Ерцево Архангельской области, что на границе с Вологдой. Уезжать из Архангельска Зоя не хотела, она только начала привыкать к большому городу. Где-то в сознании смутно витали мечты выучиться и устроиться работать на телефонную станцию. Но жить вырвавшимся из деревни молодым было негде, а место буфетчика в станционной столовой Ерцево призрачно сулило Степану и его семье сытую и красивую жизнь. Поэтому волей-неволей Зое пришлось собрать нехитрые пожитки и отправиться в путь. С ними поехала и свекровь, которую Зоя немного побаивалась и про себя, неизвестно почему, называла «бабка Ваганка».

Железнодорожная станция Ерцево внешне ничем не выделялась на фоне других северных поселков: та же продуваемая ветрами снежная равнина с разбрызганными по ней, точно кляксы, бурыми пятнами барак; хрупкие березы, перевитые паутиной льдистых веток, застывшие в воздухе струйки дыма из печных труб, тревожное сплетение рельсов и редкие фонари. С 1930-х годов Ерцево было местом размещения исправительно-трудовых учреждений, жить здесь было нерадостно, люди пересказывали леденящие душу истории про эков, которые сбегали и учиняли разбои и разные злодеяния.

Семья с трудом успела обустроиться в казенном жилище, как грянула Финская война. Степан ушел воевать, да так и остался служить даже после окончания боев. В мае сорок первого он приехал домой на побывку. В вещмешке лежали нехитрые гостинцы, а на груди красовалась медаль.

Спустя короткое время, 22 июня 1941 года, по радио объявили о том, что фашистская Германия напала на Советский Союз. Степан Ефимович коротко отписался жене о том, что мобилизован в пехотные войска и вернется домой с победой.

Зоя, перепуганная и растерянная, осталась одна в неприятном Ерцево с маленьким белоголовым Женькой и бабкой Ваганкой.

И тут как гром с ясного неба: она ждёт ребёнка!

Зоя хотела сообщить об этом мужу, спросить, что же делать, пожаловаться на беспомощность и отчаяние. Но писать не умела. От него тоже не было больше вестей. Когда неведение и страх почти лишили её воли, она попыталась избавиться от приплода, но организм маленького человечка, живущего внутри неё, начал отчаянно сопротивляться, отстаивая призрачное право на жизнь.

За девять месяцев ожидания под плач бесконечных дождей Зоя передумала все свои думы. Все двадцать семь лет её жизни были насквозь пропитаны ожиданием, чаще несчастливым.

Она родилась в большой крестьянской семье. Старшей сестре Ирише на момент появления Зои было уже двадцать лет, она вышла замуж, уехала жить в Архангельск и начала одного за другим рожать детей. Между Иришей и Зоей было трое братьев: Пётр, Андрей и Павел. Мама умерла, едва Зое исполнилось восемь. Все женские заботы в одночасье легли на Зоины детские плечи: стготовить еду на большую семью, убрать в доме, подоить корову, настирать мужские рубахи да портки. Наверное, её пальцы скрючило еще тогда, когда слабыми ручонками она полоскала тяжелющие тряпки в ледяной проруби.

Нет, она не жаловалась, потому как видела, что отец и братья работают в поте лица, рубахи не просыхают. Мужчины её не пестовали. Не принято было. И сами не жировали: сапоги одни на всех – на ярмарку по очереди.

Многие ребятишки в деревне умели читать по слогам. Зоя тоже хотела научиться. Она была сообразительная и честолюбивая. Пришла в церковно-приходскую школу. Но учеба ограничилась двумя годами, в течение которых дети в основном собирали грибы-ягоды для поповской семьи, копали картошку, кашеварили да заготавливали дрова, точно батраки.

Жизнь перевернулась вместе с революционным лозунгом «Земля – крестьянам!». Все те бездельники и пьяницы, что не хотели работать, оживились, обрадовались возможности пожить на дармовщинку. Они объявили себя красными пролетариями, пошли чесать языками про «всё общее, всё наше» и громить чужие хозяйства. Вдохновленные на «новый мир», они изуверски вымещали свою зависть к односельчанам, сумевшим этот самый мир уже построить.

Семью Зои чудом не раскулачили и не сослали, как другие семьи, хотя забрали почти всё, а саму Зою и её братьев отправили на лесозаготовки. С раннего утра до позднего вечера, по пояс в ледяной болотной жиже, Зоя и братья отрабатывали трудодни, жадно вглядываясь в низкое северное небо. Может, светлый лик появится меж рваных туч, увидит их страдания и ниспошлет избавление?

Избавление не наступало, и тогда Зоя совершила один из самых плохих поступков в своей жизни: красивая и дерзкая, она увела жениха у подруги. Не сказать чтобы Стенька был красавцем или франтом, но был он веселым, и сидел в нем какой-то тайный огонь, жгущий девичьи сердца. К тому же ходил слух, что собирается он ехать в Архангельск за красивой жизнью, а, значит, нужна ему сердечная спутница.

Как всё вышло, уже и не вспомнить. Сидела Зойка с девчонками на мосточке. Парни по обычаю заигрывали, отпускали шуточки. «Побежишь за мной», – кинул Степан. «Ни за что!» – Зоя самолюбиво дернула плечом, выстрелив в него россыпью колючих зеленых искр из красивых глаз. И Стенька пропал...

Несмотря на тихие слезы невесты Ульяны, он стал бегать за Зоей, вымаливать встречи, а вскоре попросил у её отца благословения и увез в Архангельск к красивой жизни.

«И как же оно могло случиться? – досадливо думала Зоя, бредя по узкой завьюженной тропинке, подгоняемая зловецим воем северного ветра. – И было ведь совсем ничего; только штанами тряхнул – и вот оно».

– Картоху-то почти съели, – озабоченно всхлипнула бабка Ваганка, ставя на стол чугунок. – Ой, Зоюшка, как зиму переживем?

Она причитала и клокотала, как курица, скругляя губы на каждом «о».

– Егоровна завтра молока обещала дать и яиц, – буркнула Зоя, вылезая из валенок. Она потеряла поясницу, попыталась нагнуться, но живот мешал. – Спинушка болит, точно собаки её грызут.

Двигаться было тяжело, но привыкшая к постоянной работе Зоя не умела сидеть на месте. Каждый день она ходила в контору на станцию мыть полы. Надо было на что-то жить, кормить маленького Женьку и свекровь. Начальница Егоровна была славной женщиной, жалела Зою и подкармливала её, принося что-нибудь из своих запасов.

Вопрос пропитания был самым острым той зимой. Есть хотелось всё время. Иной раз удавалось купить у соседней курицы. Это было счастьем. От худобы той курицы щемило сердце: синюшная, с длинными ногами. Но ее можно было разрезать на несколько частей и варить суп целый месяц. Ржаной хлеб, купленный в продмаге на станции, аккуратно разрезали и сушили на сухари – кто его знает, что будет завтра. Иной раз обходились тюрей: в миску резали лук, солили, отжимали до сока, клали туда же ржаные сухари и замешивали это все с ложкой постного масла.

– Бабы говорят, Москву отстояли, поперли наши немецкого ирода, – клопоча грудным звуком, сообщила свекровь. – Как там наш Стёпушка?

Она беззвучно пошевелила губами и перекрестилась, видимо, взывая к милости божией. Зоя машинально повернула голову в тот угол, где должны стоять иконы.

Дома в деревне у них был красный угол; на полочках, прикрытых зубчатыми салфетками, стояли иконки; отец, прежде чем сесть за стол, широко крестился, и Зоя повторяла его движения, вглядываясь в красивые печальные лики. Правда, после сбора грибов, кашеварения и щелбанов жадного попа она несколько разочаровалась в вере, но в церковь всё же ходила и железный крестик, привязанный к красной нитке, никогда не снимала.

– Не гляди волком, Зойка, не гневи господу, – шикнула в её сторону Ваганка. – Молись по мужу своему любимому.

«Любимому...». Зоя покраснела. Любовь до сих пор виделась ей чем-то стыдным и запретным. Любила ли она Степана? Зоя толком не знала. Страшилась приближения ночи, всякий раз переживая необходимость близости. В те вечера, когда Степан, добравшись до кровати, укладывался к ней спиной и начинал умиротворенно сопеть, она облегченно вздыхала. Зоя не знала, что такое любовь. Да и некогда ей было любить: пока сбегает за продуктами, наваришь, настираешь, нагладишь, посуду вымоешь, дома приберешь, ребенка обиходишь – времени ни на что другое не остаётся. Видимо, любить – это удел белоручек или принцесс.

Степан и Зоя, родители Гали

Эта история действительно могла не случиться. Но все же 18-го числа февраля, едва коснувшись головой подушки, Зоя почувствовала, как острая боль пронзила всё её существо. Невидимый железный жгут скрутил внутренности в крепкий узел и стал тянуть его, разрывая жилы. «Кажется, началось... рожаю! – только и успела прошептать сведенными от боли губами, – мама!» За окном бесновалась метель, барабаня в окна безжалостной белой картечью.

Раскатистый детский плач ворвался в снежный мир, заставляя забыть о войне и лишениях... Девочка была хорошенькая, точно кукла: крошечная, с прозрачной нежной кожей и живыми, как у котенка, глазками. Её вымыли и туго замотали байковым одеялом.

– Гляди, Зойка, какая ладная, – кудاختала Ваганка, – вылитый Стенька! Да приложи к груди-то.

Зоя отвернулась, сжав зубы. Она твердо решила не кормить девочку – пусть Бог приберет её поскорее.

Зое было невыносимо жалко себя, голодную, одинокую и беспомощную. Жив ли её Степан? Что будет с ними? И где ей взять сил, чтобы тащить на себе двоих детей?

Свекровь весь день крутилась возле, подпихивала тугой теплый сверток Зойке. Та упрямо отворачивалась, хотя груди набухли и были готовы брызнуть фонтаном молока, только коснись.

– Креста на тебе нет, паразитка, – подвывала бабка, – покорми ребенка, понеси-тя леший!

Малышка не плакала, она удивленно поводила синими глазками и, точно галчонок, хватала маленьким ротиком воображаемую еду.

Не добившись от невестки милосердия, Ваганка вытерла слезы, застрявшие в уголках глаз, скрутила в тряпочку хлебный мякиш и поднесла к крошечному роту. Малышка голодным птенцом вцепилась в живительный комок. Она сосала и чмокала взхлеб, иногда одаривая бабушку взглядом, полным счастья и благодарности.

Её так и назвали – Галя, Галчонок. Она вошла в мир вопреки всему: зиме, войне, голоду, нелюбви. С решимостью доказать, что мир не пожалеет.

Глава 2. А может, она заколдованная принцесса?

Зоя со свекровью и детьми, Женей и Галей

Отец вернулся с войны в сорок пятом в звании капитана Красной Армии. Грудь – в медалях. Галинке было уже три года. После войны Степана направили работать в военкомате на Украину в город Ружин Житомирской области. Зоя с детьми поехали следом.

Послевоенная Украина, истерзанная войной и оккупацией, ничем не напоминала житницу. Чернели остовы сожжённых домов. Дороги были разбиты. Точно стаи воронят, босоногие ребятишки сновали среди груд мусора, колотых кирпичей и ржавеющей техники. Жили в землянках.

– Есть иди! – кричала Зоя, заманивая маленькую Галю в подземный «дом».

Девочка боялась этой зияющей ямы пуще огня; там было сыро, темно и душно. Только кусок хлеба или печеная картофелина могли заставить её спуститься в землянку. Тогда Галя еще не понимала, что землянка – это спасенье для семьи командира Советской Армии. На территории послевоенной Украины зверствовали разные банды, не щадящие русских – ни взрослых, ни детей.

Однажды случилось чудо. Семье построили хату, настоящий дом. За день! С утра пришли мужики из военкомата: врыли четыре столба, оплели их ивняком – так, как делают плетень, обложили глиной, поставили печь и соорудили крышу. Мазанка получилась на диво. Только пола настоящего не было. Но это был дом!

Теперь родители спали на скрипучей железной кровати, а Галя с Женькой – на печи. Галя вставала рано, раньше матери, едва солнышко начинало проникать золотыми побегами сквозь настил крыши.

– Здравствуй, солнышко! – шепотом приветствовала новый день девочка. – Здравствуй...

Галя замерла. На неё в упор смотрели два больших желтых глаза. Жирная жаба по-хозяйски устроилась посреди комнаты.

– Мама! – Галя непроизвольно взвизгнула, не в силах топнуть ногой и отогнать чудовище.

– Ну что ты взъерепенилась?! – ругнулась спросонок мать, – Это просто жаба, она не кусается. Пол земляной, вот они и скочут тут.

Галя недовольно посмотрела на ухмыляющуюся жабу, попыталась представить её заколдованной принцессой, но нахальные желтые глаза не позволяли поверить в сказку.

– Иди вон! – девочка топнула маленькой ножкой и для верности хлопнула ладошками.

Жаба оттолкнулась пружинистыми ногами и выпрыгнула из дома.

Вскоре семья переехала в Бердичев и поселилась в доме бывшего старосты. Это стало залогом безопасности. Там был пол, не водились жабы, и к старосте бандеровцы не совались.

Все дни Галя и Женя месили грязь на улице, как и остальные ребяташки: играли в Чапая, в пристенок и в партизан, дрались, боролись, таскали вишни и яблоки с уцелевших деревьев, дразнили гусей. Несмотря на то, что у неё был старший брат, Галя никогда за него не пряталась. Она сама отстаивала свою правоту, ни в чем не уступая мальчишкам.

Жили скромно: Зоя перешивала дочери одежду, из которой выросал Женька. Как пацан, Галинка ходила во фланелевых шароварах и курточках и терпеливо дожидалась ботинок брата. Правда, была одна засада – уж очень хотелось ленточку в косички – яркую, шелковую, как у дочки старосты. Мама, заплетая ей тощие белые косички, перевязывала их простыми тряпочками.

В неодолимом желании обрести эти самые атласные ленточки, шестилетняя Галя пошла на грандиозную жертву: всё лето, в то время, когда ребята бесшабашно гуляли, она работала продавцом. Сама придумала. Набирала из колодца воду, таскала ее в тяжелом ведре и продавала на рыночной площади по копейке за стакан. Копеек набралась целая куча, трудно сосчитать. И тут случилась вопиющая несправедливость – брат бессовестным образом украл часть её заработанного. С решимостью воина Галя попыталась отстоять правду. Но мать, всегда защищавшая брата, не стала вникать в суть дела. Хлопнула девчонку по попе. Женька же нагло высунул язык и был таков. Что оставалось Гале, не привыкшей жаловаться и плакать? Потерев рукой сухие глаза, она принялась считать. К счастью, копеек точь-в-точь хватило на две шикарные ленточки, которые она заплела в косички, когда пошла в первый класс.

В школе Галинка училась блестяще. Всё ей давалось легко: она без труда решала в уме задачи про землекопов и с выражением декламировала стихи украинских поэтов.

– Пять по арифметике! Пять по чтению! Пять по письму! – сообщала матери звенящим голосом, вприпрыжку возвращаясь домой.

Зоя не выражала особенной радости, чаще лишь окрикивала: «Не топчи пол, только вымыла». Однако гордость за дочь всё же испытывала, особенно когда на линейке Галинке торжественно вручали грамоты.

Четыре года Галя училась в школе на Украине. Ей нравился небольшой зеленый город, где они жили, его холмистые улицы, местами вымощенные старым булыжником, ласковое солнце, маковки церквей, выглядывающие из-за густой зелени, мягкая украинская речь и распевные песни. Она знала наизусть почти всё, что пели женщины, собираясь за столом, и от души подпевала, громко и старательно.

Почему они уезжают на Север, Галя не поняла. Откуда ей было знать про политические катаклизмы послевоенного времени, полного надежд и разочарований, про националистические настроения на западной Украине и про недовольство коренного населения процессом

советизации, который, по их мнению, навязывали кацапы. В её детской жизни всё было просто: общие песни, общие сахарные леденцы, общие честные битвы и общие сладкие победы.

Так или иначе, в 1953 году семья собрала скромный скарб и отправилась в дальний путь. Теперь их было уже пятеро – в 1948 году родилась Людочка, младшая.

Глава 3. На новом месте

Галя в школьной форме

В Архангельск семья прибыла к осени. Низкое северное небо, сквозь которое едва проглядывало немощное солнце, нагнетало тоску и безнадежность. После цветущего Бердичева, сияющего золотыми куполами, Архангельск выглядел подавленным и мрачным.

На первое время приютились у Ириши, старшей сестры Зои. Та с детьми жила на окраине города, в рабочем поселке под названием Сульфат. Деревянные двухэтажные бараки напоминали стаю черных подбитых ворон, мучительно пытающихся спастись. Дощатые мостки, прикрывающие маслянистые лужи, зияли дырами. Тут и там мостки были разбиты и держались на честном слове; Женька иной раз мог разбежаться, прыгнуть как на трамплине и окатить девчонок серой жижей.

– Фу-у-у, как тут воняет, – затыкали нос дети, спасаясь от зловония, исходящего от целлюлозно-бумажного комбината, расположенного в поселке.

– Ишь, галантерею им подавай, – недовольно ворчала мать, у которой забот было гораздо больше, чем привыкнуть к запаху.

Галя пошла в школу. Ее переводной табель пестрел пятерками. Однако учительница русского языка отчего-то невзлюбила новую ученицу. Не то чтобы она вредничала, скорее относилась к Гале с въедливой придирчивостью: то и дело перебивала девочку, исправляя ошибки, на которые в украинской школе и вовсе не обращали внимания. И тут на помощь пришел Тарас Шевченко, революционный украинский поэт. На дом задали выучить стихотворение Шевченко, и когда на следующий день Галя вызвали к доске, она без запинки со всем пылом сердца продекламировала:

– Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій:
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, – було чути,
Як реве ревучий!

Класс замороженно замер. «А еще можешь?» – выкрикнул кто-то. «Могу», – Галя упорно читала стихи любимого Тараса Шевченко, вкладывая в каждое слово тоску по улюбленій Україні. Учительница прониклась способностями ученицы и изменила свое отношение. А Галя всерьез взялась за русский язык, и уже очень скоро писала диктанты без единой ошибки.

У Ириши семья Зои прожила недолго. Как говорится, «гости хороши на три дня». Ириша замучила Зою и детей придирками. Её раздражало всё, что бы ни делала младшая сестра. Может, виной тому была собственная нелегкая доля... Еще до войны Ириша потеряла одиннадцать детей: болезни забирали малышей одного за другим, несмотря на горячие молитвы и горькие слезы матери. Осталось двое, самый старший сын и самый младший. Как только началась война, старший, Николай, которому едва исполнилось восемнадцать, ушел на фронт и в первые же дни попал в плен. Пять лет ада превратили молодого парня в нервное запуганное существо. Потом были допросы в НКВД и уже наши лагеря. Вернувшись, он честно пытался наладить жизнь, женился, устроился работать, но страх голодным животным вьелся в его сознание – Николай стал пить и болеть. Ириша жалела сына, увещевала, но ничего поделать не могла. В итоге сосредоточила все свои надежды на младшем – Володе: выучить, устроить, женить.

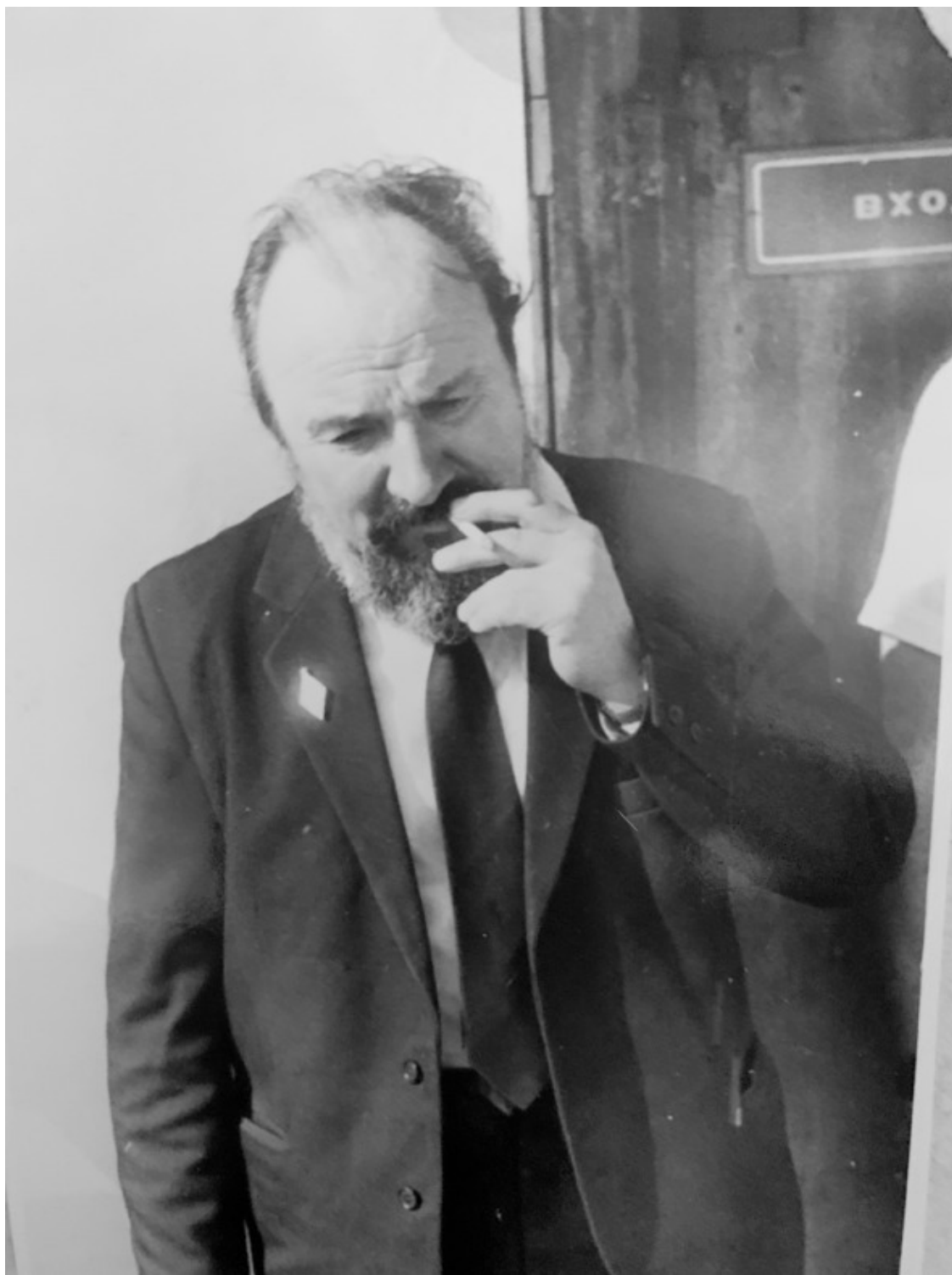
Возможно, истерзанное материнское сердце не могло побороть зависти к младшей сестре, у которой было всё: выживший на войне муж, здоровые дети и двадцать лет в запасе. «Всё равно разведу тебя со Стенькой», – кричала она в приступе темной злобы, не понимая себя и страдая.

Когда терпеть эти приступы стало невозможным, Зоя со Степаном и детьми съехали, поселившись в рабочем общежитии на Пролетарской улице. Комнатка в бараке была крошечной – девять метров. Всё, что туда влезало – это кровать, стол, небольшой шифоньер да табуретки. Родители спали на узкой железной койке, скрипучей, с провисшими пружинами. Как они туда умещались вдвоем – загадка. А дети и бабка Ваганка располагались на полу, на матрасах и подстилках.

Новая квартира в настоящем деревянном доме на проспекте Ломоносова показалась Гале просто раем. Там было целых три комнаты, большая общая кухня, ванная и интеллигентная соседка Эрика Альбертовна, которая говорила по-немецки и играла на пианино. Под окнами был разбит небольшой палисадник, в нем росла рябина, из ярко-оранжевых ягод которой осенью варили горьковатое варенье.

Немногим позже Галя узнала, что отец вселился в эту коммунальную квартиру в буквальном смысле самозахватом, по совету председателя облисполкома. Офицерская семья, проживающая там ранее, съехала, и Степан не растерялся. Приходили какие-то строгие дядьки, громко разговаривали, заставляли покинуть помещение, пугали. Но никто не решился выставить на улицу фронтовика с тремя детьми. Так семья и осталась жить на Ломоносова.

Глава 4. Куда Геннадий Иванович – туда и она, без сомнений

Геннадий Иванович Суханов

Дети как кошки, быстро подстраиваются под меняющуюся реальность и обретают привычную радость. В Архангельске не было цветущих вишен и распевных украинских песен, зато было много снега. Можно было валяться в сугробах, лепить снежную бабу и кататься на лыжах.

Лыжи у Галя были старые, деревянные – отец откуда-то принес. Они плохо скользили, проваливались в снег, точно тяжелые неструганные доски, но Галя не пробовала других, поэтому свои обожала.

– Куда тебя нелёгкая понесла? – ворчала Зоя, сковыривая ногтем намерзшие снежные узоры с оконного стекла, – Сопли приморозишь. Лучше бы как девочка посидела дома, повишивала узоры на пяльцах.

– Мы с ребятами только туда и обратно по реке, – весело отвечала дочка, подхватывая лыжи.

Ей нравился суровый северный дух Архангельска, когда мороз вонзается в тебя армией пронырливых кусачих муравьев, обжигает, царапает щеки, пытается пробраться в варежки и в ботинки. Дыхание перехватывает. Снег упруго хрустит под лыжами. Ты разгоняешься по плотной утрамбованной лыжне, ловишь мощный ритм скольжения, и начинаешь чувствовать, как холод отступает, и жаркая волна разливается по телу, даря свежесть и силу!

Галя готова была все выходные проводить на улице, бегая на лыжах. В воскресенье ребята устремлялись на реку, надежно укрытую льдом и снегом, где проложены лыжни. Северная Двина широкая – другого берега не видать. Звонкой стаей друзья скользили по накатанной лыжне, обгоняя друг друга, иногда падая и теряя бамбуковые палки. Потом, сцепив лыжи, все вместе дружно шли домой, на ходу растирая снегом прихваченные морозом щеки и носы.

– Что тебе в такую стужу дома не сидится? Могла бы и полы лишней раз помыть, и Женьке рубаху подшить, – неласково встречала мать дочку, сбивавшую снег с фланелевых штанов.

Галинка, раздумываясь, счастливая, поднимала сияющие глаза на мать:

– Мама, ты не понимаешь! Лыжи – это самое веселое занятие на свете! Мы с ребятами соревнуемся, и это так интересно. Ты же можешь узнать свои силы по сравнению с другими! И я почти всегда побеждаю.

– Ишь, победительница, а дров кто наносит и за керосином ходит?

– Я щас, мам, – Галинка никогда не спорила. Просто надевала сухую одежду и мчалась за дровами, усердно откапывая дверь сарая из-под снега.

Школьный учитель физкультуры быстро заметил бойкую девчужку, соревнующуюся с мальчишками, и позвал её тренироваться. И Галя с радостью пошла. Теперь лыжи стали для неё не просто развлечением в выходной, а настоящим спортом, воспитывающим волю и выносливость.

Увлеченная физкультурой, Галя бесстрашно пробовала всё, что давало движение, силу и скорость. К лыжам добавились коньки. В парке за третьей школой зимой разбивали каток, и отчаянные парни лихо гоняли на беговых «ножах». А девчонки в коротких шубках, отороченных мехом, выписывали фигурные пируэты на «снегурках» на манер Людмилы Белоусовой. Пируэты Гале были мало интересны, а вот играть с мальчишками в рапки – совсем другое дело. Своих коньков у неё не было, и если кто-то из пацанов давал покататься – это было счастьем. Конечно, стать самой быстрой в ботинках тридцать девятого размера маленькой Гале было не под силу, но все же она почти не уступала пацанам по скорости.

В одну из таких сумасшедших гонок она столкнулась лоб-в-лоб с катающимся на коньках мужчиной, отлетела на три метра, едва не расквасив себе нос. «Живая?» – испугался тот. Поднял, отряхнул:

– Как звать? – поинтересовался строго.

– Галина, – ответила девчонка, вытирая нос.

– Что же ты, Галка, носишься, как оглашенная? Ведь зашибёшься.

– Не-а. Я умею. Мы просто в рапки играем.

– А что коньки такие огромные?

– Так знакомый парень дал.

Мужчина улыбнулся:

– Учись, Галя, тормозить и менять направление, тогда сможешь бегать быстро.

Незнакомец показался Гале значительным и добрым; наверное, поэтому она хорошо запомнила его лицо и манеру говорить.

Однажды они с девчонками попали в спортклуб ГДО. На ту пору в гарнизонном Доме офицеров были разные спортивные секции. Приходи занимайся.

Дверь в спортзал была приоткрыта, и Галя увидела зрелище, которое её загипнотизировало. Через площадку была натянута высокая сетка, и взрослые дядьки, находящиеся по разные стороны сетки, играли в мяч. Они высоко прыгали, сильно били по мячу, отбивали его, не давая упасть... Галя судорожно слотнула: всё её существо сосредоточилось на маленьком сером герое, звонко отвечающем на каждый удар. «Галка, идём!» – тянули девчонки. «Сейчас, сейчас...» – она машинально отмахивалась, не в силах оторвать взгляд. И вместо того, чтобы пойти со всеми, сделала шаг в зал. Робко спросила: «Можно посмотреть?»

Волейбол вошёл в Галино сердце так стремительно и сладко, как входит первая любовь, бесстрашная, волнующая, непознанная. Чуть ли не каждый день она бегала в спортзал ГДО, садилась в уголке и жадно наблюдала за игрой. Азарт, запах разгоряченных тел, дух победы – что может быть прекраснее? Иногда к ней прилетал мяч. Она брала его в руки, наслаждаясь упругой шероховатой поверхностью, украдкой вдыхала запах кожи и с сожалением бросала обратно игрокам. Определенно, между ней и мячом возникала магия.

Как-то раз на тренировку пришли не все, одна команда получилась неполной. «Давай, девочка, вставай на площадку!» – крикнул мужик ростом с дядю Степу. «Я?.. Можно?.. – Галя недоверчиво обвела взглядом остальных. – Сейчас! Я мигом». Она вытащила из сумки потрёпанные кеды, натянула их на ноги, сама не помня, как завязала шнурки и выскочила на площадку.

...Мяч летел на неё бронебойным снарядом. Она чуть было не зажмурилась от неожиданности, но ответственность и командный дух не позволили девчачьим страхам взять верх. Старательно сложила руки, прижав их друг к другу, как это делали игроки, и впервые почувствовала силу удара о запястья. На первый раз она слишком резко подалась вперёд, не рассчитав траекторию обратного полета, и мяч, описав высокую дугу, ушел за пределы поля. Её команда потеряла очко. Галя виновато оглянулась, готовая к тому, что сейчас её изгонят из заветного сообщества. Но «дядя Степа» ободряюще похлопал её по плечу: «Ничего, Галчонок, молодец! Не лупи так сильно, и все будет хорошо».

С этого дня у Гали началась новая жизнь. Она не пропускала ни одной волейбольной тренировки в ГДО, играла то за одну, то за другую команду, и взрослые мужики окончательно признали её своей.

Пришла очередная весна. Архангельская весна является вкрадчиво, неуверенно, слабая и пугливая. Скромно рассыпает по уже чернеющему снегу золотые лучики, стеснительно заглядывает в глаза прохожим. Зима цепляется за свою царственную власть, огрызается морозами до самого апреля. А потом как-то враз начинают таять сосульки, звенеть ручьи вдоль деревянных мостков, и в воздухе появляется сладкий дух тепла и надежды.

Той весной по школе разнеслась радостная весть: при Октябрьском РОНО открывают детскую спортивную школу. Галя, конечно же, была первой, кто прибежал записываться. Правда, сначала её не хотели брать, потому что набор был рассчитан на учеников соседней 4-

й школы. Но случилось чудо. В тренере, набирающем ребят в секцию конькобежного спорта, она узнала того самого мужчину, с которым столкнулась зимой на катке. Он тоже её узнал:

– Галя, которая любит играть в рапки?

Она кивнула.

– Хочешь стать чемпионом?

– Очень хочу! – Галя приложила руки к груди, чтобы выразить весь свой горячий пыл и серьезные намерения.

Геннадий Иванович Суханов, так звали тренера, взял её в свою группу. И это событие стало судьбоносным в жизни девочки, которая с невероятным упорством пришла в этот мир холодным февралем 1942 года.

Маленькая Галя с подругой и сестрой

Галя жила от тренировки до тренировки, между ними успевая получать пятерки в школе, заниматься общественной работой, помогать матери и нянчиться с младшей сестрой.

Летом ребята тренировались на пляже, изучая движения конькобежцев, оттачивая торможения, ускорения и бегая челноки. Они надевали на себя самодельные пояса со вшитым грузом и то передвигались на корточках, то прыжками, преодолевая сопротивление вязкого песка. Галя старалась изо всех сил. Только упорством и трудом можно добиться результата – так учили авторы любимых книг, а их герои – Павка Корчагин, Гуля Королева, Алексей Маресьев – были непререкаемыми авторитетами у девчонок и мальчишек того времени. «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» – эта фраза писателя Островского была аккуратно выписана почти в каждом девичьем дневнике.

Иной раз Галя возвращалась домой без сил. Падала в кровать и мгновенно засыпала, грезя во сне о чемпионских медалях и пьедестале.

– Ты как парень, ничего женского в тебе нет, – ворчала Зоя, критично оглядывая дочь, – Медом там тебе, что ли, намазано, на берегу-то? Бегаешь и бегаешь, как кляча... Посмотри на Таню соседскую: платьице в талию наденет, вся такая ладная пойдёт, как кисонька... а тут – пенёк пеньком, вылитый батька, да еще и живот совсем к спине прирос.

Маленькая Люся, что вечно крутилась возле, хитро шурила глаза, кивая матери, и исподтишка показывала сестре язык. Она была вся такая кукольная, сладкая, излюбленная – с голубыми атласными ленточками и в платье с оборкой. При всей своей северной неласковости Зоя баловала младшую, как и любимого сына, подсовывала ей то леденец, то имбирный пряник. Отец тоже души не чаял в Людочке, до самой школы носил её на руках и не спускал с колен. А Галка вроде как сама по себе – растёт и растёт, точно рябинка за окном.

Галя не обижалась на мать. Что же в этом плохого – быть на равных с парнями и Женьке ни в чем не уступать? А о фигуре и всяких там девчачьих жеманствах она не задумывалась. Мелочи это, буржуазное мещанство.

– Галинка, иди пятак дам, – подзывал добродушно отец, выворачивая карманы.

В такие дни Галя догадывалась: выпил.

Степан Ефимович, пройдя войну и пережив тяжелые ранения, изменился. От былой удалости и жаркого огня, жгущего девичьи сердца, не осталось следа. Он стал немногословен, мучился головными болями и пристрастился к выпивке. Правда, выпивши, становился щедр и сентиментален.

– Эх, Галинка, жизнь проходит. Думал, женюсь на самой красивой девке, увезу в город, детей народим, выучимся и будем жить как в раю. Только где эта сказочная жизнь? Всё война проклятая поломала... На войне я был человек, имел боевые заслуги, а теперь что? Лишний, никому не нужный, ни на что не годный...

Галя жалела отца. Бабушка Ваганка рассказывала, что раньше он был веселый, вечный заводила. Под Кенигсбергом его контузило, и теперь мозги у него стали как каша.

– Папа, жизнь хорошая, всё меняется, скоро отменят дрова и керосин, пустят трамваи, – шептала она ему на ухо, ощущая носом колючую отцовскую щеку. – Давай вместе учиться. Пойдешь в вечернюю школу?

Он горько ухмылялся. Какая учеба? На войне всё было понятно: здесь свои, там враги, ты нужен стране и победе, тебя ждут и верят...

Приступы фронтовой ностальгии будили в нём воспоминания: славные подвиги, друзья-товарищи, страх, потери и победы...

– Наливай, Галинка! – командовал дочке. – Выпьем за нашу победу. И давай spoём. Где моя певунья Людмила?

Прибегала Люся, залезала к отцу на колени, обнимала его за шею и ловко встраивалась в хор:

– На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.

У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят...

Только Зоя не участвовала, она терпеть не могла, когда муж выпивал, сорил деньгами и пьяно распевал песни. Она поджимала губы, демонстративно хваталась за какую-то работу, и её поджарая «молчаливая» спина была красноречивее слов.

Дни на Севере шли неспешно, как привычный уклад жизни северян. Вслед за весной так же неспешно приходило лето, а следом – осень.

Северная осень особенная. В раннем сентябре она радуется глаз буйством красок: золото берез осыпается в багряно-красные перины осин и черемух, сияющее белым золотом солнце, точно волейбольный мяч, летит по голубому небу и падает в величественную Северную Двину. Под ногами дышит, шуршит ковер из желтых листьев. И уже в начале октября может случиться первый снегопад. После короткого проливного дождя начинает валить густой мокрый снег. Падает на землю и тут же тает. Тяжелое свинцовое небо накрывает город крепким куполом, как бы защищая его на время долгой лютой зимы.

Про Архангельский край много всяких небылиц придумано. И что белые медведи по улицам разгуливают, и что семга да треска сами ловятся, сами потрошатся, и сами в бочки складываются. А всерьёз – всё дело в людях. Суровый климат, отсутствие крепостного права и нелегкий морской промысел наделили северян такими качествами, как свободолюбие, крепость духа, жажда знаний и высокий уровень морали. Если поставлена цель – то не достичь её невозможно.

Осенью Геннадий Иванович сообщил, что в городе открывается волейбольный клуб, он будет там тренером, и кто хочет, может пойти с ним. Понятное дело, у Гали сомнений не было: куда Геннадий Иванович – туда и она.

– Галка, идём в кино. В «Мире» «Весну на Заречной улице» показывают. С Рыбниковым! – девчонки, перебивая друг друга, делятся киношными любовями: «Девочки, как же мне Рыбников нравится, он такой милый!», «Нет, Стриженов лучше, вы уже видели „1941-й“?», «Девочки, ну разве можно кого-то сравнить с Юматовым?!».

Гале интересно участвовать в этом щебетании. Нравится идти дружной стайкой из школы домой, пиная сухие листья. Но в актерах она мало что понимает – в кино ходить некогда. Жизнь её устроена так, что по ней бегом бежать приходится, с ускорением: школа, общественная внеклассная работа, секции волейбола и шахмат, коньки, лыжи, а еще с пятого класса она стала маму замещать и брала на себя обязанности старшей в семье, когда та попадала в больницу или просто плохо себя чувствовала – постирать, сготовить, дров натаскать, печь растопить, даже дворником за маму работала.

– Как ты все успеваешь, Галка? – спрашивала её подружка Таня.

Галя пожимала плечами: она и вправду всё успевала – учиться на пятерки, заниматься дополнительно физикой, быть капитаном в волейбольной команде.

Может потому что ей всё нравилось?

Глава 5. «Пойдем погуляем...»

Валерий, Галин жених

Девчонки воображают, шуршат подолами красивых платьев, обсуждают моду и танцы на «сковородке». Галя ничуть не завидует, хотя у неё нет времени танцевать, и до сих пор нет ни одного платья. Жили тяжело: приходилось носить перешитые Женькины штаны. Первое

платье мама сшила ей лишь в конце 9-го класса – из дешёвой саржи рыжего цвета. Кусачее и неудобное.

Впрочем, Галя по этому поводу не страдала, считала, что у неё и так есть всё, что необходимо человеку для счастья – мяч, спортивная форма, тренировки и любимый тренер. Остальное – это так, мелочи.

31 декабря был особенным днем в их семье. Конечно, это волшебное предвкушение Нового года. Накануне вечером мать варила холодец из припасенной лытки и густой клюквенный кисель, а еще ставила тесто. С утра в доме волнующе пахло пирогами и ароматным киселем. На холодных подоконниках в низких мисках застывал прозрачный холодец; кусочки мяса замерли в нём, точно рыбки в скованной льдом Двине. Детям нельзя было трогать его, но они украдкой подбирались, облизывались и норовили сунуть палец в железную массу.

К тесту мать жарила капусту и вымачивала соленую треску. Это было магическое действие – как она раскатывает тесто деревянной скалкой, пересыпает его мукой, накладывает начинку. Гале разрешалось закрывать бортики у курника; она действовала ловко, аккуратно сжимая и подворачивая краешки. Зоя ставила противень в печь, и вскоре по квартире разносился дивный запах пирогов, дарящий неизменно ощущение уюта и счастья.

Отец где-то раздобыл лысоватую елку, и дети радовались её душистому смолянному аромату и возможности украсить.

– Не крутитесь под ногами, – смешливо шикал Степан Ефимович на детей.

Он обрубал нижние ветки, перочинным ножом затачивал их, потом делал дырочки в стволе выше и вставлял туда эти ветки, чтобы ёлка казалась пушистее. Ствол ставил в сколоченный деревянный крест и закрывал нижнюю часть белой тряпкой, создавая подобие сугроба.

Дальше начиналось волшебство...

Женя снимал с высокой полки в коридоре коробку, где хранились елочные игрушки, и девочки принимались развешивать их на ёлке: яркие шары, волшебные часики, показывающие всегда «без пяти двенадцать», носатый чайник, толстую нахохленную птичку... На нижние ветки – гирлянду из бумажных флажков. Поверх всего – серебристый дождик из нарезанной тонкими полосками фольги.

А еще 31 декабря был днем рождения Зои. Галя всегда готовила подарок заранее. Она откладывала копейки из тех, что давал отец, и что она получала, подрабатывая. Тщательно рассчитывала, распределяя подарки между отцом, матерью, братом и сестрой. В этот раз Галя приготовила маме настоящую роскошь – туалетное мыло «Красная Москва» в красивой красной обертке с золотым бантиком. Как же оно пахло! Нежный цветочный аромат заставлял сердце биться быстрее, рисовал в воображении картины красивой жизни, которую Галя видела только в кино.

– Галка, дай шесть копеек, – ныл Женька, преследуя сестру.

– Зачем тебе?

– Куплю открытку маме.

– Купи на свои.

– А у меня нет. Я потерял... Ну, будь человеком!

– Вот хитрый! – Галиному возмущению не было предела. – А кто втихаря «Приму» купил и всё потратил в тире?!

– Не дашь?! Жадина-говядина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест, муха прилетела, понюхала и съела.

Женька дал сестре щелбан и быстро сбежал. В этом году брат заканчивал школу, он уже брился, тщательно приглаживал волосы и собирался летом ехать в Ленинград учиться на военного. Но до сих пор в нём нет-нет и просыпался вредный мальчишка с глупыми гримасами.

– Ну погоди, вот я тебя догоню, – крикнула вслед Галя.

– А я вот что маме подарю, – гордо произнесла невесть откуда взявшаяся Люся, протягивая руку с петушком на палочке, которым её на днях угостила тетя Дуся, папина сестра. – Это волшебный леденец. Кто его съест – никогда болеть не будет, и еще исполнится его мечта, он увидит море и даже поймает золотую рыбку, которая потом будет исполнять все его желания.

Галка хмыкнула:

– А где у петушка голова? Съела уже? Подарки съеденными не дарят.

– Не-е-ет, – Люська округлила глаза. – Ты что?! Это потому что головы и не было, она уже на юге, она туда уехала первой и теперь колдует, чтобы мечта обязательно сбылась, и еще она золотых рыбок приманивает.

31 декабря – сумасшедший день, до вечера надо успеть переделать уйму дел: нарядить ёлку, положить под неё подарки, помочь матери с угощениями для праздничного стола, убрать снег на участке, натаскать дров, повидаться с подругами, обменяться пожеланиями, и если повезет, посмотреть, как мальчишки играют в хоккей.

В день рождения мамы Галя твердо решила вместо нее убрать участок. Звала помочь Женьку, но тот, сославшись на занятость, отказался. Сказал, что ему надо купить поздравительную открытку, хотя было ясно, что они собираются с ребятами, будут обсуждать культ личности и успехи нашей футбольной сборной, курить и, наверное, даже выпьют дешевого портвейна, купленного в складчину.

Как назло, всю ночь шел снег, и теперь его навалило по колено. Галя надела высокие валенки, взяла лопату, скребок и метлу из сухих прутьев. Мороз, дразня, щипал щеки. Снег белоснежным пуховым одеялом лежал вокруг домов, на дороге, на крышах сараев. Он казался невесомым, как пачка балерины или пирожное безе. Но стоит подцепить его широкой деревянной лопатой, он превращался в свинцовую массу – плотную и неподъемную. Надо сгрести снег на обочины, скинуть его с дорог и подходов к подъездам, сколоть скребком наледи и начисто вымести с тротуара. Заодно снять тяжелый снежный покров с крыши своего дровяника. Работы часа на три.

Дома собирались сесть за стол. В центре большого круглого стола – блюдо с холодцом, дымится в большой супнице только что сваренная картошка. К ней полагаются разносолы: квашеная капуста, соленые грибы. Галя почувствовала, как свело живот – прошло уже много времени с утренней тарелки перловки. Запах от стола восхитительный!

Внезапно Галя заметила на краешке скатерти красную упаковку с золотыми буквами «Красная Москва». Сердце на миг замерло, а потом опрокинулось в груди, упав в живот подстреленной птицей. Нерешительно спросила:

– Это что?

– Сын с днем рождения поздравил, – гордо ответила Зоя, – Внимательный...

Галя вспыхнула:

– Но... я...

– Что – я? Всё поди-ка потрясла на свой мяч... Ладно, снег убрала, считай, поздравила мать. Иди давай за стол, картошка стынет.

За столом отец рассуждал о самом насущном в этом году, о культе личности: как это понимать, «не следовал принципам Ленина, совершал перегибы...», а войну кто выиграл? Люся, перебивая отца, рассказывала маме о чудодейственной силе безголового леденца, а Галя молча ела свой холодец и картошку, не разбирая вкуса и стараясь, чтобы никто не увидел, как слезы стекают по щекам и капают в тарелку.

– Да чё ты, Галка, – мимоходом оправдался брат, забежавший домой перекусить. – Ну не успел ничего купить. От тебя не убудет. А мне как-то неловко – всё же мужик...

Зоя носилась с ароматным куском мыла как с новорожденным младенцем, не знала, куда пристроить – так, чтобы, всем заметно было. Сын подарил!

Галя вышла во двор. Прошла медленно вдоль дровяников, заглянула на хоккейную площадку. Никого... Вдруг ей стало невыносимо одиноко. Она прислонилась к присыпанной снегом поленнице и заплакала.

«Мама не любит меня так, как она любит Женю и Люсю, – горько всхлипывала, глотая горячие слезы. – Я делаю всё, чтобы она полюбила меня. Справляюсь со всем, что бы она ни велела, помогаю во всем, чтобы ей было легче, иду, куда бы она ни сказала. Но она никогда не полюбит меня так, как любит их. С этим я ничего не могу поделать».

Тут Галя вспомнила мамино бледное лицо, когда навещала её в больнице, как она закинула голову и закрыла глаза, какие сухие были у нее губы... «Как мне не стыдно! Мама любит меня, конечно, любит, просто не умеет выразить это. Мама хорошая, очень хорошая... Она справедливая и очень гордая. Ей так нелегко пришлось в жизни... Она любит меня... Конечно, любит... Только бы она не болела, только бы не умерла! Пожалуйста, пусть она никогда не умрет!».

Галя запрокинула голову и обращалась куда-то в небо, пристально всматриваясь в нависший над городом декабрьский свинцовый купол. Могла ли она говорить с Богом? Имела ли право? Всё же она была одной из лучших комсомолок школы...

Подруга Таня вышла на улицу, заметив в окне, как одинокая фигура потерянно бродит по безлюдному двору.

– Галка, ты, что ли? До Нового года меньше часа, а ты тут шарахаешься одна, как привидение...

Галя безумно обрадовалась тому, что последние мгновения старого года проведет не одна. Она шмыгнула носом, вытерла слезы.

– С родителями поругалась? – участливо поинтересовалась Таня.

– Не-а, просто о жизни думаю. Вот убирала сегодня снег и думала. Машешь лопатой, а он всё падает и падает. Кто кого победит?

– Ты, конечно! – рассмеялась Таня. Ты ведь у нас чемпион!

– Нет, Танюш, я, правда, вот задумалась. Окончу школу, пойду в институт, неважно в какой, в один из наших трех. Буду, допустим, учителем. Утром встаешь, идешь на работу, проводишь шесть уроков, ставишь пятерки и двойки, потом кучу тетрадок проверяешь, к завтрашним урокам готовишься, домашние дела разные делаешь, ну там – сготовить, постирать, погладить, полы помыть, участок убрать, дров принести. Спишь свои восемь часов, а утром – то же самое... И так каждый день, так может пройти вся жизнь. Какая радость в этом?

– Так все живут, Галка. Чего особенного ты хочешь?

– Хочу, чтобы жизнь была необыкновенная. Например, я хотела бы всю жизнь играть в волейбол, стать чемпионом области или, нет, страны, а может, даже мира. Хотела бы увидеть разные города и страны, узнать много людей, рассказать всем людям, как важно заниматься спортом...

– Смешная! Вот однажды встретишь парня, выйдешь за него замуж, детей родишь, и все твои мечты тю-тю...

Галя фыркнула. Какие дети. Какой жених! Ей так хорошо быть «своим парнем» среди парней, который на равных гоняет на «ножах», режет мячи в волейболе и не боится на хоккейной площадке того, что плетеный мяч случайно выбьет зуб... Она задумалась, вдыхая предновогоднюю морозную благодать. Отчего-то в этот момент захотелось обнять весь мир: и этот неподвижный воздух, и волшебную ночь, и месяц, мутно проглядывающий сквозь затуманенное небо.

- Знаешь, Танюшка, мне кажется, что 1957-й будет самым важным годом в моей жизни.
- Ты каждый год так говоришь, – рассмеялась подруга.
- Нет, нет, правда! – Галкины глаза сияли как звезды, пробившиеся сквозь плотный купол северного неба. – Должно случиться что-то такое, чего еще никогда не было.

Галя и Валера

Валера жил через дорогу на проспекте Ломоносова, окна в окна с Галиными. Он был старше на три года, и уже готовился к выпускным экзаменам в школе. Как и другие ребята из их района, он проводил свободное время на спортивной площадке за домом, где азартно играли в футбол, в хоккей, и так же азартно болели. Валера был не такой, как все, совсем не такой. И дело даже не в том, что он был хорошо одет, по сравнению с другими, и не по-мальчишески застенчив – было в его худобе и взгляде больших серых глаз что-то особенное, из другого мира... Он почти всегда молчал и совершенно не пытался привлечь к себе внимания. Ребята рассказывали, что он прочитал тысячу книг, что у него по английскому пятёрка с плюсом, и что в него без памяти влюблены некоторые девчонки из их школы.

Галя не раз ловила на себе его удивительный взгляд, робкий и сильный одновременно. Однажды он тихо сказал ей: «Пойдём погуляем», и сердце её расплавилось в груди, растеклось пылающей лавой, наполнив жаром каждую клеточку тела.

– Мама, а как узнать, что это настоящая любовь? – как-то завела разговор Галя. – Ты, например, как папу полюбила?

Зоя штопала отцовы носки. Она испуганно вскинула глаза, оторвавшись от шитья:

– Ты это что надумала? Еще не хватает, чтобы в подоле принесла! Смотри мне!

– Нет же, мама, – Галины щеки вспыхнули румянцем, – я про любовь спрашиваю. Знаешь, вот мне иногда так нужен человек, чтобы обнять его крепко-крепко. Только такой, чтобы умел понять, что я чувствую в эту минуту.

– Любовь... – Зоя ухмыльнулась. – Когда мне любить-то было?! С восьми лет головы не поднимала: сначала батьку и братьёв обихаживала, потом трудодни отработывала, потом Стенька появился, потом война... Какая такая любовь? Заботы одни. Он, как придёт на побывку, тряхнёт портками – так мне рожать или аборт делать.

– Ну а любовь, чувства?

– Да ну тебя! Накормить, настирать, намыть, выучить – вот и все мои чувства... Помню, в Ружине батька завел себе одну еврейку. Она офицеровой женой была, губы красила ярко. Уж не знаю, было чего промеж них или не было. Но он, как лис, хвостом вилял. На каком-то вечере их фотограф снял вместе. Он домой пришел, показывает мне карточку «Вот, Зойка, посмотри». А я бросила взгляд, разозлилась, да оттолкнула его так, что карточка выпала из рук и прямо в печку. Вспыхнула в одно мгновение, вся скукожилась, почернела... Он выматерился, хотел достать, да куда там... Разозлился, выдернул ремень и хрясь меня по плечу... Ой, я взвилась! Вцепилась ему в рожу: «Всё, ухажу, ноги моей не будет в твоём доме!». Он потом на коленях стоял, прощения просил. А я месяц с ним не разговаривала.

Галя, невеста Жени, Женя, Степан, Люда и Зоя

«Пойдем погуляем» стало ежевечерним магическим заклинанием. Галя прибежала с тренировки домой, наскоро перекусывала, делала уроки и начинала считать удары сердца: сто, девяносто девять, девяносто восемь... Тихий стук в окно прерывал счет и подбрасывал сердце точно волейбольный мяч: «Пойдем погуляем».

До набережной было рукой подать: они пересекали Ломоносова наискосок, через парк за третьей школой, попадали на улицу Свободы, переходили проспект Павлина Виноградова и оказывались на самой красивой улице города. Набережная в Архангельске на ту пору еще не была замурована в бетон. Она тянулась вдоль Северной Двины свободным шестикиломет-

ровым полукольцом – от Соломбалы, небольшого острова, где Пётр I построил первую в России судоверфь, до морского-речного вокзала. Примерно посередине был мыс Пур-Наволок, известный старым Гостиным Двором. По преданиям, в конце семнадцатого века Пётр I часто бывал в Гостином дворе, наблюдая за торговлей голландских, английских, датских и норвежских купцов.

Шли молча, на расстоянии друг от друга. Никаких тебе «за ручки», букетов, леденцов и поцелуев. В первый раз поцеловались спустя два года, когда Галя сдала экзамены в институт. Обнимать Валерика Галя стеснялась, и без того она чувствовала, что он близко, что понимает её.

Глава 6. Сёмга ростом с человека за три бутылки водки

Семейный портрет

Вопрос, куда поступать после школы, отпал сам собой: естественно, в АЛТИ, в лесотехнический – ведь там учился Валерик, и потом там была сильная студенческая волейбольная команда.

Учиться было интересно: ни сопромат, ни начертательная геометрия для Гали не составляли труда; она легко справлялась со своими заданиями и помогала Валере, который заканчивал четвертый курс. Всё-таки он был неисправимый гуманитарий.

Вечерами ходили на тренировки и игры, а в выходные болели за «Водник» на стадионе, катались на коньках и на лыжах. Обычная студенческая жизнь.

Дело шло к концу весны, когда с газонов наконец-то сошел размякший от солнечных лучей снег, загалдели прилетевшие скворцы, и душа распахнулась в ожидании необыкновенных чудес.

– Пойдем погуляем, – прозвучало привычное, – паспорт только возьми.

Привычный маршрут: улица Свободы, проспект Павлина Виноградова, набережная... Гуляли долго, наматывая километры, молча. Весенний запах, замешанный на талом снеге, аро-

мате прелой прошлогодней листвы, на нагретой солнцем древесине, терпкой смоле, бензине, духе первых костров, тревожил душу, даря ощущение счастья и волнующие предчувствия.

Остановились возле здания с табличкой «ЗАГС».

– Зайдем? – было непонятно, Валерик шутит или всерьез что-то задумал.

– Зайдем! – Галя никогда не была девушкой робкого десятка. И вправду, почему бы не посмотреть, что там такого интересного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.